

В статье делается попытка рассмотреть композиционные характеристики архитектуры старообрядческих церквей Екатеринбурга как одного из центров старообрядчества в условиях противостояния двух ветвей православного вероисповедания. Задача данной статьи – ознакомиться с практикой строительства храмов соборного типа московскими старообрядцами, определить степень влияния на архитектуру старообрядческих храмов Екатеринбурга московских образцов и типовых проектов в условиях российского строительного законодательства.

Ключевые слова: старообрядчество; молебный дом; церковь; собор. /

The article attempts to consider the compositional characteristics of the architecture of the Old Believer churches in Yekaterinburg as one of the centers of the Old Believers in the context of the confrontation between the two branches of the Orthodox faith. The purpose of this article is to get acquainted with the practice of building cathedral-type temples by Moscow Old Believers, to determine how Moscow samples and standard projects influence the architecture of Old Believer temples in Yekaterinburg in the context of Russian construction legislation.

Keywords: Old Believers; prayer house; church; cathedral.

Архитектура старообрядческих церквей в Екатеринбурге / Architecture of Old Believer churches in Yekaterinburg

текст
Михаил Голобородский

Уральский
государственный
архитектурно-
художественный
университет
имени Н. С. Алфёрова
(Екатеринбург)

text
Mikhail Goloborodsky
Ural State University
of Architecture and Art
named after N. S. Alferov
(Yekaterinburg)

К вопросу о практике строительства храмов по образцам

На лекциях, освещающих вопросы региональной архитектуры Урала, слушатели часто задают вопрос: «В чем особенности архитектуры храмов старообрядцев?» Для архитектора, специализирующегося на культовом зодчестве, ответ на этот вопрос имеет практическое значение.

После десятилетий направленного воздействия с целью выработки у граждан атеистических убеждений в 1990-е годы частично или полностью уцелевшие церковные здания стали активно передаваться в пользование вновь организовавшимся религиозным общинам. В сложившейся ситуации в практике архитекторов-реставраторов выдвинулись задачи не только реставрации храмов с соблюдением требований законодательства, но и с учетом пожеланий заказчиков – религиозных общин, обычно неспособных четко сформулировать задание на проектирование. Так, в 1993 году община

старообрядцев обратилась к автору статьи с предложением разработать проект иконостаса для переданного им памятника классицизма здания Христорождественской единоверческой церкви Верх-Исетского завода.

Какие-либо исторические документы, дающие хотя бы общее представление об утраченном иконостасе, отсутствовали. При этом обращение к аналогу из средневекового зодчества было одним из главных условий заказа. Предложенные старообрядцам варианты иконостаса в стилистике классицизма и русских средневековых стилях, тябловые и многоярусные, первоначально не были приняты старообрядцами за «наши».

После нескольких отвергнутых вариантов за аналог, т. е. «своим, нашим» был признан иконостас Покровского единоверческого собора на Рогожском кладбище в Москве – памятник периода классицизма (рис. 1). В таком случае утверждение, что «старообрядцы используют в качестве прототипов своих храмов только сооружения дониконовского времени» [1, с. 14], в реалиях XX века не подтверждалось. Таким образом, многовековое противостояние раскольников официальной церкви оставило свой след в их отношении к архитектуре храмов.

Архитектура храмов старообрядцев и государственно-конфессиональная политика России XVII–XIX веков

В истории России и ее культуре значительную роль сыграло религиозно-оппозиционное движение старообрядчества, или так называемый «церковный раскол», появившийся как реакция на проводимую в середине XVII в. царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном церковную реформу. По решению церковного собора 1654 года в целях установления «единообразия в чинах» были внесены корректировки в тексты богослужебных книг и детали обрядовой практики. Эта попытка реформы церковных обрядов вызвала у части духовенства, мирян и крестьянства протесты, переросшие в раскол, который разделил российское население на сторонников и противников реформы патриарха Никона. После предания участниками церковного собора 1666 года

Освященный собор старообрядческой Церкви, состоявшийся в Москве 25–31 августа 1911 г.

< Рис. 1. Еклектичный по архитектуре иконостас Покровского собора на Рогожском кладбище в Москве. Фото 1911

^ Рис. 3. Успенский собор в Московском Кремле. Фото начала XX в.

^ Рис. 2. Покровский собор на Рогожском кладбище в Москве. Фото начала XX в.

анафеме противников реформ раскольников приняло массовый характер. Вплоть до конца XVIII в. жестоко преследуемые властями сторонники «старой веры» бежали на вольный Дон, в глухие леса Забайкалья, Сибирь и Горный Урал [2, с. 6].

Старообрядчество как совокупность религиозных течений не было единым в соблюдении богослужебных обрядов. Со временем лишившись священников, рукоположенных в сан до Никонской реформы, старообрядцы стали объединяться в общины различного толка (согласия), которые, в свою очередь, разделились на совершавших обряды богослужения без привлечения священников (так называемые «беспоповцы») и приемлющих священников («поповцы»). Из всех христианских обрядов (таинств) последователи беспоповства стали отправлять только два: крещение и исповедь, которые, наряду с богослужением, совершают выборные из мирян наставники. Зданиям молелен для беспоповцев не требуется алтарь, т. к. без участия священника не может совершаться полноценная литургия с производимым на алтарном престоле таинством пресуществления святых даров в тело и кровь Господню и следующим за этим обрядом причастия. Старообрядцы, объединившиеся в общины поповского толка, нашли компромиссный выход из необходимости сохранить догматику православной церкви, привлекая и скрывая в своих домах и молельнях беглых священников, из-за чего получили наименование «беглопоповцы».

Первая половина XVIII столетия для русской церкви как общественного явления – время далеко не благодатное: в этот период было отменено патриаршество, ущемлены в правах монастыри, запрещено строительство церквей и часовен. В отношении староверов была создана и закреплена на практике конкретная законодательная система ярко выраженного антистарообрядческого характера. Вместе с тем скрытая легализация старообрядчества в это же время позволила использовать их экономический потенциал в пользу государства [3, с. 428–466].

Проводя политику европеизации страны, Петр I кардинально изменил характер церковного зодчества в России. Отношение государства к церкви как к учреждению,

подчиненному светской власти, нашло свое отражение во внешнем облике построенных в Петербурге храмов. Так, архитектурное решение Петропавловского собора с его базиликальным планом и совсем не православным шпилем оставались непривычны для русского зора даже к началу XX века [4, с. 15].

В царствование Елизаветы Петровны (1741–1761), желавшей закрепить и одновременно возродить в культовом зодчестве старые национальные традиции, на смену базиликальному типу церкви возвращается тип соборного пятиглавого храма в форме куба. Принято считать, что эта кубическая форма храмового четверика заимствована у легендарного храма Соломона в Иерусалиме, имевшего ширину, длину и высоту равными между собой. Высотное завершение всегда играет важную роль в объемной композиции зданий. В венчании храмов соборного типа в то время наметился возврат к «освященному» традицией пятиглавию, унаследованному от древнерусского зодчества. Этот тип завершения соборных храмов был закреплён ещё в 1479 году возведением в Московском Кремле пятиглавого Успенского собора.

В десятилетний период царствования Анны Иоанновны борьба с «расколом» ужесточилась. От правительственных репрессий тысячи старообрядцев укрылись в лесах и заводах Сибири и Урала.

Во время правления Петра III и Екатерины II отношение к старообрядцам несколько смягчилось. Синод в 1784 году разрешил старообрядческим общинам поповцев иметь священников, состоящих в ведении Синода, и вести богослужения по старопечатным книгам. В марте 1798 года Павлом I был утверждён указ о предоставлении старообрядцам-поповцам права «иметь у себя церковь и особенных священников, рукоположенных от епархиальных архиереев для отправления службы Божия по старопечатным книгам» [5].

Это компромиссное нововведение создало условия для учреждения государством в 1800 году института **Единоверия**. С этого времени единоверческим общинам позволялось иметь не только молельные дома и часовни, но и строить церкви. По губернским городам было разослано «Высочайшее правило для устройства старообрядческих единоверческих церквей и снабжением

их священниками» [6]. Особенно много старообрядцев перешло в единоверие в годы царствования Николая I (1825–1855). В этот тридцатилетний период против раскольников часто принимались принудительные меры для перехода их в единоверие. Купцов, не принявших единоверие, просто ограничивали в праве на торговлю, препятствовали строительству не только церквей, но и моленных домов.

К началу XIX в. в Москве оплотом старообрядчества белокриницкого согласия стало Рогожское единоверческое кладбище, где по проекту М. Ф. Казакова и его ученика И. И. Марченкова был возведен внушительных размеров Покровский собор (рис. 2). Величина этого единоверческого храма-гиганта, его объемно-планировочная композиция и убранство были призваны отразить значимость, духовное величие и мощь старообрядчества. Согласно проекту Казакова, спроектированный в формах классицизма храм должен был получить типичную для православных соборов объемно-планировочную композицию. Большого размера кубоватый объем должны были венчать пять близко расположенных крупных световых глав. Алтарное помещение выделяли примыкающие к восточному фасаду полукружия апсид. Не исключено, что при выборе архитектурного прототипа будущей церкви автор проекта и заказчики ориентировались на Успенский собор Московского Кремля как на старообрядческий антипод официальной православной церкви (рис. 3).

В случае полной реализации казаковского проекта официально числящемуся часовней Покровскому храму предстояло стать общепонятным символом величия, истинности и исторической значимости старой веры. Но этому амбициозному проекту не суждено было реализоваться в полном объеме. В 1792 году, несмотря на императорский манифест 1762 года, согласно которому предписывалось «раскольникам никакого притеснения не делать», строительство так называемой «часовни» было приостановлено городскими властями до получения значительно переработанного архитектором И. И. Марченковым варианта. Из прежнего облика здания были устранены архитектурные формы, применявшиеся при строительстве соборов. Претендовавшее на значительность пятиглавие заменил купол с луковичной главкой, уже выстроенные алтарные апсиды были разрушены. Предназначенному для проведения богослужений зданию власти целенаправленно придали облик дворцового или общественного здания [7, с. 19–33].

Храмы Екатеринбурга и исход староверов из Шарташа

В провинции противостояние старообрядцев официальной церкви имело свои особенности. В начале XVIII в. в условиях продолжавшихся притеснений немало староверов из Подмосковья, Тулы и скитов на реке Керженец в Нижегородской губернии переселилось на Урал. Здесь, тогда в почти незаселенном краю, в 1723 году среди глухих лесов и болот на реке Исеть была основана крепость-завод, в будущем город Екатеринбург. История города-завода Екатеринбург неотделима от истории церковного раскола. Значительную часть первых жителей города составляли староверы. Кроме того, много старообрядческих скитов находилось поблизости на притоках реки Исети: Висима, Утки, Нейвы. В пяти верстах от Екатеринбурга уже давно находилось большое старообрядческое село Шарташ, названное так по топониму озера, на берегах которого оно расположилось. Село вскоре стало «одним из организационных центров старообрядчества, надежное убежище и перевалочная база на пути в вольную Сибирь для гонимых и преследуемых. <...> Шарташцы почти поголовно занимались торговлей и прибыльными ремеслами, по торговым делам ежегодно добирались до Нижнего Новгорода, Москвы,

даже до Малороссии. Вообще, большинство шарташских жителей имело московские корни» [8, с. 10].

Горнозаводская администрация раннего этапа жизни Екатеринбурга (1723–1781) периодически проводила розыски и гонения на населивших берега озера Шарташ раскольников, придерживавшихся наиболее старой ветви раскола «беглопоповщины». Протокол от 1746 года, составленный по результату одного из таких розысков скрываемых шарташцами молелен, доносит краткие, но ценные сведения об архитектуре потайных старообрядческих часовен и скитов: «Часовня была срублена как “изба с приделом лицом в восточную сторону” скрыта между двух жилых домов с проходом в нее с двух сторон через сени. Ни окон, ни дверей на улицу в часовне не имелось» [8, с. 10, 138].

В 1789–1832 годы застроенный деревянными купеческими домами, старообрядческими скитами и часовнями район почти полностью выгорел в результате нескольких больших пожаров. Часть купцов не решилась возвращаться на свои пепелища и переселилась в Екатеринбург. Точнее, в находившуюся за южным крепостным валом так называемую «купецкую слободу», уже частично заселенную купцами, посадскими и торговыми людьми. С этого времени екатеринбургское купечество было представлено исключительно старообрядцами. Преимущественно на их средства вплоть до XX в. в Екатеринбурге будут возводиться часовни и церкви различных старообрядческих согласий. Именно здесь, за городской чертой в населенной старообрядцами Купечьей слободе в 1755 году появилась первая каменная церковь – Сошествия Святого Духа. Стилистически своей объемно-пространственной структурой и фасадным декором церковь относилась к уральскому варианту «московского барокко», сменившего идейно и эстетически чуждое столичным апологетам старообрядчества «узорочье». Построенная по благословению митрополита Тобольского церковь фактически была старообрядческой. Направленную в Екатеринбург Тобольским владыкой следственную комиссию о раскольниках поразило возмутительное обилие крещеных и повенчанных староверов в приходе православной Святодуховской церкви.

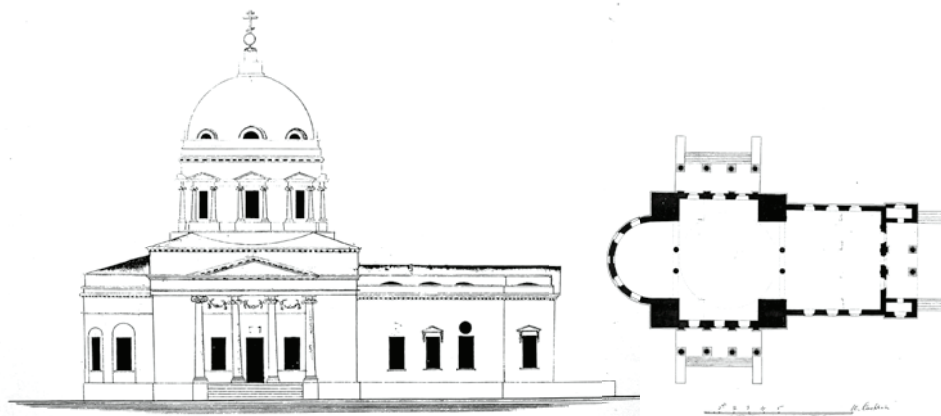
В течении XVIII–XIX вв. архитектурное оформление старообрядческих церквей преобразовывалось вслед за изменявшимся относительно старообрядчества законодательством. Так, в 1842 году высочайшим повелением предписывалось: «Во всех официальных бумагах, а также в ведомостях о раскольниковских молитвенных зданиях, которые отнюдь не называть церквями, а только моленными или часовнями». Предписанием Министерства внутренних дел от 1883 года было дозволено «обращать для общественного богомоления существующие строения. При этом наблюдается, чтобы обращаемому для этого строению не был придаваем внешний вид православного храма» [6], то есть раскольничьим моленям возбранялось быть градостроительными доминантами в городском ландшафте, иметь типологически узнаваемый архитектурно-художественный церковный облик, создаваемый колокольнями и куполами.

Литургия и архитектура храмов

Литургия – главное богослужение христианской церкви, во время которого совершается таинство Евхаристии (причастия). Центральным местом литургии считается обряд освящения хлеба и вина, которые символически становятся Телом и Кровью Христа. Евхаристическое таинство совершается священниками в алтаре, в то время как взоры и умы молящихся должны быть устремлены к куполу, символическому небесному своду. Со времен раннего средневековья неформально верующий христианин приходит в храм, чтобы принять участие в молебне. Совместная молитва выполняет роль

^ Рис. 5. Свято-Троицкая (Рязановская) единоверческая церковь, бывшая старообрядческая часовня. Фото начала XX в.

^ Рис. 4. Проект Свято-Троицкой старообрядческой часовни (Молельный дом). Пропорции плана и фасада. Архитектор М. И. Емельянов

основного функционально-содержательного принципа, объединяющего находящихся в церкви с храмовым пространством, где архитектура является конструктивной основой синтеза на уровне материально-художественной реализации. В православном храме это пространство имеет два духовных и композиционных центра – алтарь и купол. Символизирующий свод небесный купольный свод обрамляет и завершает богослужебное действие. Из истории раскола известно, что для придерживавшимся старого обряда было свойственно «обрядоверие», или вера в мистическую силу христианского обряда. В такой ситуации совершавшиеся старообрядцами богослужения в храмовом пространстве, лишенном купола, снижало эффект мистической силы молитвы [9, с. 202].

Храм во имя Святой Троицы – от часовни к кафедральному собору

История строительства в уездном Екатеринбурге единоверческой Свято-Троицкой часовни, впоследствии ставшей собором – пример настороженного отношения властей к попыткам демонстрации средствами архитектуры духовного величия и мощи старообрядчества.

Поэтапное развитие композиции здания Свято-Троицкого собора в Екатеринбурге долго создавало для исследователей трудности с установлением имени автора проекта. Из документов известно, что в 1810 году старшина всех уральских старообрядцев Я. М. Рязанов начал переговоры с горнозаводскими и столичными властями о строительстве церкви на уже отведенном для этого месте – на городской окраине, за земляным валом, при пересечении двух магистралей. По представлению Рязанова новый каменный храм должен был иметь представительный вид: «с приличным украшением длиною 20-ти, и поперек 9 сажень в виде стоящих в Москве и Казани таковых же старообрядческих молитвенных храмов».

В поисках опытного архитектора Рязанов обратился к своим единоверцам в Казань. В это время Казань уже украшало одного из последних творений талантливого столичного архитектора И. Е. Старова – собор Казанской иконы Божией Матери. Реализовал эскизный проект

зодчего местный казанский архитектор М. Е. Емельянов в период 1798–1808 [10].

Здание, в документах заказчика числящееся как Молельный дом, было в основном выстроено к 1824 году, но екатеринбургское горное начальство не разрешило поднять на нем крест и освятить. Даже после того, как от императора Александра I было получено разрешение поставить над куполом храма крест, здание осталось опечатанным.

Несмотря на препятствие, Рязанов продолжал строить огромный молельный дом при опечатанном алтаре. Одновременно он вел переписку с правительством и непосредственно императором о распечатывании и освящении храма. Но только после вынужденного принятия старообрядческой общиной Рязанова единоверия здание церкви было распечатано и освящено в честь праздника Святой Живоначальной Троицы, ставшей в местном фольклоре «Рязановской».

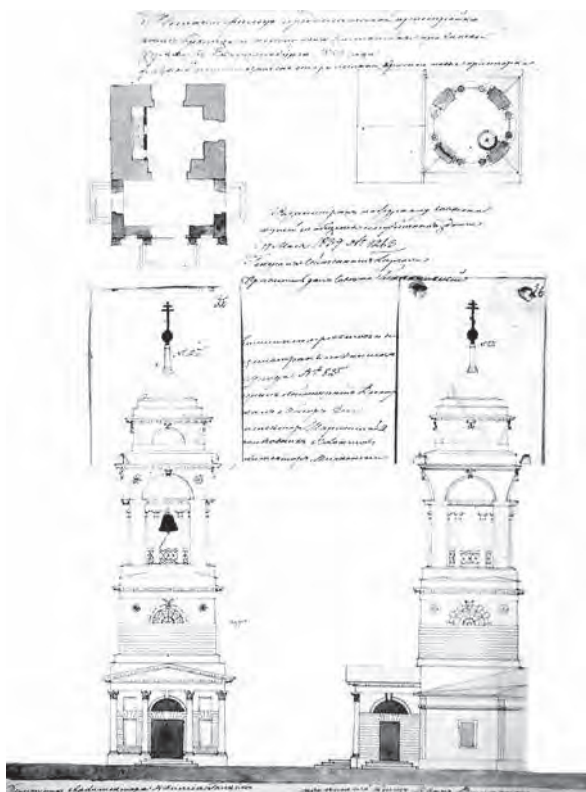
Планировочное и объемно-пространственное решение Троицкого молитвенного дома во многом определялось местоположением классицистического сооружения на открытой площадке в регулярном пространстве города. Это предопределило создание свободно стоящего объема, рассчитанного на круговой обзор. Два боковых фасада оформили четырехколонные портики ионического ордера. Редким для храмовой архитектуры решением был оформлен западный фасад. Его обрамлял глубокий антовый двухколонный портик. Купол на высоком барабане был органично связан с храмовым четвериком посредством аттика. Более свойственные петербургским соборам классические кубиклы на его барабане вводили дополнительный масштаб. Традиционное для русских церквей одноосное размещение помещений определило его линейную протяженность и резкое различие западного и восточного фасадов.

К середине XIX века бывшие раскольники стали называть себя не староверами, а единоверцами, что позволило им дополнять объемные композиции церквей запрещенными прежде колокольнями, главами, куполами и крестами. С установкой на Троицкой церкви колокольни и дополнительных декоративных куполов она приобрела действительно соборный облик (рис. 4, 5).

> Рис. 6. Спасская единоверческая церковь. Фото начала XX в.

> Рис. 7. Спасская единоверческая церковь. Проект перестройки колокольни [12]

Если в конце XVIII в. церкви Екатеринбурга, строясь под видом часовни, не получали внешних атрибутов православных храмов, то к середине XIX в. все построенные раньше старообрядческие храмы приобрели полноценный облик, свойственный не только приходским церквям, но и соборам.

Строительство храмов в условиях государственной политики примирения

Спасская церковь (1804–1813, 1840-е), более известная как Толстиковская, имея скромные размеры, благодаря надстроенной в 1840-е годы колокольне доминировала среди особняков заселенной старообрядцами слободы Сальников (рис. 6).

Построенная в краткий период либерального отношения к раскольникам, она была заложена по благословлению Пермского митрополита с условием обоюдного соблюдения указа Павла I от 12 марта 1782 года, разрешающего строительство старообрядческих храмов во всех епархиях Российской империи. Архитектура самого храма и его приделов еще следовала стилистике позднего барокко. В начале 1840-х годов колокольня Спасской церкви была перестроена в формах классицизма по результату вариантного проектирования архитекторами Петербургской комиссии проектов и смет и екатеринбургскими архитекторами (рис. 7).

Первоначальный отказ старообрядцам горнозаводскими властями в утверждении проектов молитвенных домов с алтарными апсидами и колокольнями был ими преодолен постепенным поэтапным формированием объемно-пространственного построения с полным составом элементов, обязательных для православных церквей.

Никольская старообрядческая часовня (1792–1826). В конце XIX века Екатеринбург постепенно утрачивает функции города-завода и становится «торговым местом»; одних купцов в нем проживало 360 человек. Как и во всех других провинциальных городах, его застройка состояла из малоэтажных домов, на фоне которых выделялось небольшое число строений из камня, в том числе церкви. Как самые значительные здания городской застройки, храмы возводились в наиболее выгодных по видовым позициям местах – на площадях. Иное отношение проявлялось при отводе городскими чиновниками мест для устройства молелен старообрядцам, не принявшим условий единоверия. Так, построенным внутри жилых кварталов деревянным Никольской «беглопоповской» и Успенской часовне (часовенного согласия) выполнять роль доминант и зрительных опор в пространстве города дано не было. Из них наиболее показательна история преобразования объемно-планировочной композиции Никольской часовни. Проект усадьбы с часовней и надворными строениями был составлен чиновниками горного правления на рубеже XIX–XX вв. (рис. 8). К просторному срубу – молельному залу примыкали прирубы, паперть с запада и молельня с востока. Узкий и низкий второй этаж, перекрытый на два ската, придавал образу православной часовни чуждый православию базиликальный вид. Купол и колокольня у часовни отсутствовали. После публикации Именного Высочайшего указа от 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости» старообрядцы возвели над часовней купол и главы с крестами, придав молитвенному дому образ церкви (рис. 9).

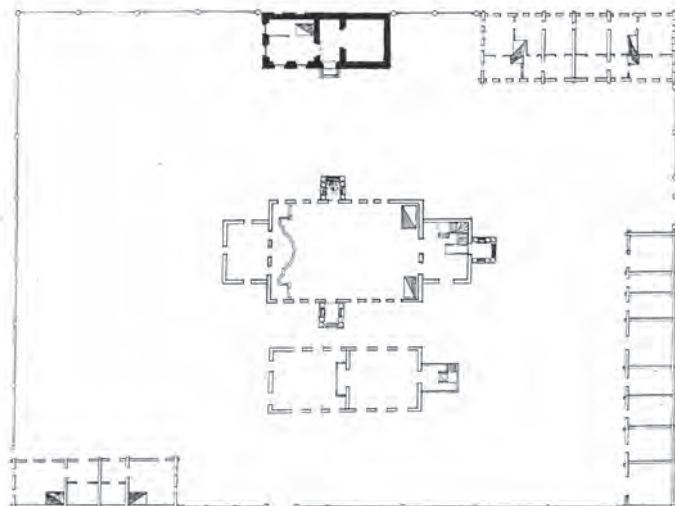
Вывод

После провозглашения веротерпимости в 1905 году для старообрядцев – приверженцев сохранения древнерусской богослужебной традиции замысел воссоединения старообрядцев с Русской православной церковью распался. Одной из определяющих особенностей русского православного искусства является традиция обязательного следования новыми поколениями архитекторов и иконописцев созданным в древности художественным образцам.

Художественные характеристики богослужебной утвари, ее стилистика неспособны быть индикаторами конфессиональной принадлежности ветвей православия. На новом историческом этапе набор традиционных объ-

^ Рис. 9. Никольская старообрядческая часовня, перестроенная в церковь после провозглашения веротерпимости в 1905

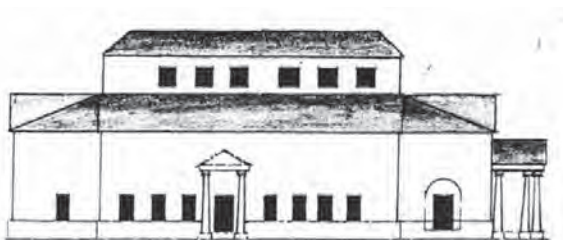

^ v Рис. 8. Проект Никольской старообрядческой часовни, выданный старообрядческой общине Екатеринбургским Горным правлением в 1792 [11]

емно-планировочных компонентов культовой архитектуры олицетворяет и символизирует высшие духовные ценности вне зависимости от стилистики и архитектурно-го декора.

Литература

1. Кириченко, Е. И. Церковное зодчество старообрядцев в России. – Калуга, 2023. – 303 с.
2. Ильин, В. Н., Должиков, В. А. «Противораскольничья» государственно-конфессиональная политика в России периода правления Петра I // Вестник Томского государственного университета. История. – 2021. – № 70. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivoraskolnicheskaya-gosudarstvenno-konfessionalnaya-politika-v-rossii-perioda-pravleniya-petra-i> (дата обращения: 29.07.2025).
3. Российская цивилизация : Этнокультурные и духовные аспекты : Энцикл. словарь. – Москва : Республика, 2001. – 543 с.
4. Толстой, А. Н. Хожение по мукам. – Москва : Гослитиздат, 1950 (Ленинград : тип. «Печ. Двор»). – 2 т. – (Б-ка советского романа). Т. 1. Кн. 1. [Сестры]. – 606 с.
5. Федоров, В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). – Москва : Рус. панорама, 2003 (Калуга : ГУП Облиздат). – 479 с. : ил. – (Серия «Страницы российской истории» / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).
6. Корепанов, Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723–1781 гг.). – Екатеринбург, 2001. – 251 с.
7. Барсов, Т. В. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / Сост. Т. Барсов. Т. 1. – Санкт-Петербург : скл. изд. у авт., 1885. – 23.
8. Бычков, В. В. Русская средневековая эстетика, XI–XVII вв. – Москва : Мысль, 1992. – 637 с. : ил.
9. Ваньчугова, Н. Н., Голынец, Г. В. Михаил Емельянович Емельянов – первый архитектор Свято-Троицкого кафедрального собора Екатеринбурга. К вопросу атрибуции // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2024. – № 46. – С. 74–99.
10. ГАСО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 7656. Л. 106. (1810).
11. ГАСО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 7657. Л. 2.
12. РГИА. Ф. 1488. Оп. 3. Д. 29. Л. 2а (Спасская единоверческая церковь).
13. ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2105. Л. 1 (Главная контора Екатеринбургских заводов).

References

- Barsov, T. V. (1885). *Sbornik deistvuyushchikh i rukovodstvennykh tserkovnykh i tserkovno-grazhdanskikh postanovlenii po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya* [A collection of current and guiding church and civil regulations in the department of the Orthodox confession]. St. Petersburg.
- Bychkov, V. V. (1992). *Russkaya srednekovaya estetika, XI–XII vv.* [Russian medieval aesthetics of the 11th–17th centuries]. Moscow.
- Fedorov, V. A. (2003). *Russkaya pravoslavnaya tserkov i gosudarstvo. Sinodalnyi period (1700–1917)* [The Russian Orthodox Church and the State. The Synodal Period (1700 – 1917)]. Moscow: Rus. Panorama (Kaluga: GUP Oblizdat).
- GASO. Fund 25. Inv. 1. File 2105. L. 1 (Main office of Yekaterinburg plants).
- GASO. Fund 25. Inv.2. File 7656. L. 1. (1810).
- GASO. Fund 25. Inv.2. File 7657. L. 2.
- Ilyin, V. N., & Dolzhikov, V. A. (2021). “Anti-Raskol” State Confessional Policy in Russia during the Reign of Peter I. *Bulletin of Tomsk State University. History*, 70. Retrieved July 29, 2025, from <https://cyberleninka.ru/article/n/protivoraskolnicheskaya-gosudarstvenno-konfessionalnaya-politika-v-rossii-perioda-pravleniya-petra-i>
- Kirichenko, E. I. (2023). *Tserkovnoe zodchestvo staroobryadtsev v Rossii* [Church architecture of the Old Believers in Russia]. Kaluga.
- Korepanov, N. S. (2001). *V rannem Yekaterinburge (1723 – 1781 gg.)* [In Early Yekaterinburg (1723 – 1781)]. Yekaterinburg.
- Mchedlov, M. P. et al. (Eds.). (2001). *Rossiiskaya tsivilizatsiya: Etnokulturnye i dukhovnye aspekty: Entsikl. slovar* [Russian Civilization: Ethnocultural and Spiritual Aspects: Enc. Dictionary]. Moscow: Respublika.
- RGIA. Fund 1488. Inv. 3. File 29. L. 2a. The Spasskaya Orthodox Church.
- Tolstoy, A. N. (1950). *Sestry* [The Sisters]. In *Khozhdenie po mukam* (Vol. 1, Book 1). Moscow: Gosizdat (Leningrad: Pech. Dvor).
- Vanchugova, N. N., & Golynets, G. V. (2024). Mikhail Emelyanovich Emelyanov, the first architect of the Holy Trinity Cathedral of Ekaterinburg. To the question of attribution. *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 46, 74–99.